

М. В. Миронович

ГРАММАТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ

В работах, касающихся текстовых и дискурсивных исследований последних лет, прослеживается тенденция рассмотрения художественного текста как некоего пространства, искусственно созданного автором и отражающего действительность. При этом художественная коммуникация представляется организованной на двух уровнях: на уровне общения персонажей и на уровне коммуникации автора с читателем.

Следует отметить тот факт, что художественная коммуникация отмечена специфическим оформлением контакта автора и адресата, которое выражается в том, что писатель и читатель зачастую разъединены в пространстве и времени. Тем не менее художественный текст характеризуется адресованностью, ориентацией на определенный образ адресата, что оставляет свой след в художественном тексте в виде определенных грамматических явлений.

Предлагаемая попытка разобраться в этом сложном комплексе вопросов на примере несобственно-прямой речи (НПР) опирается, прежде всего, на исследование конкретных языковых единиц, использование которых в НПР обнаруживает определенные закономерности их употребления.

Характеризуя несобственно-прямую речь, многие исследователи выделяют ряд конститутивных признаков НПР, к которым относятся темпоральный сдвиг; прономинальная транспозиция; модально-прагматический аспект; синтаксические особенности.

Что касается синтаксических особенностей НПР, то здесь следует отметить, что НПР встречается в художественных текстах как в форме значительных комплексов, состоящих из нескольких предложений, так и в виде отдельных предложений и даже группы слов или отдельного слова внутри авторского повествования. В оформлении комплексов НПР принимают участие все структурно-семантические типы предложений языка. Тем не менее среди многообразия синтаксических структур, как показывают результаты исследования, можно выделить типы предложений, играющих большую роль для НПР в ее основных стилистических функциях. Это различные виды вопросительных предложений, которые могут целиком оформлять комплекс НПР, создавая три семантические разновидности (уточняющие, описательные и разделительные), либо чередоваться с другими типами предложений с разной грамматико-смысловой зависимостью: *Fini war aufgeregt, aber zu ihrer Verwunderung spürte sie keine Angst, eher Trotz und sogar ein bisschen heimlichen Stolz. Was sollte nun werden? Würde man sie verhören? Wie hatte sie sich zu verhalten?* (H. Zinner. «Fini: Ahnen und Erben». S. 234);

Gabriel fuhr mit eiskalter Hand über den englischen Stoff seines Anzugs. Wie Brennesseln rührte er sich an. Und zugleich wuchs die Frage: Warum gerade ich? Wie soll ich zu ihnen sprechen? Was maße ich mir an? (F. Werfel. «Die vierzig Tage des Musa Dagh». S. 241).

Комплекс НПР создается в данных примерах структурой трех следующих друг за другом риторических вопросительных предложений с задачей не столько выразить сему запроса информации, сколько передать прагматический смысл предположения с эмоциональной окрашенностью, показать развитие мысли действующего лица.

Помимо вопросительного типа, для НПР большое формообразующее значение имеют восклицательные предложения разной структуры, а также неполные предложения, присоединительные конструкции и односоставные предложения (преимущественно с оценочной семантикой):

“Ist das eine Art?” rief sie (Therese), frech vor Entsetzen. „Man klopft, bevor man hereinkommt... Was, er (Kien) soll anklopfen, bevor er zu seinen Büchern darf? Unverschämtheit! Lächerlich! Grotesk! Sie hat den Verstand verloren. Er wird ihr eine Ohrfeige herunterhauen. Vielleicht kommt sie zur Besinnung. Er malte sich die Spuren seiner Finger auf ihrer feisten, gemästeten, glänzenden Wange aus (E. Canetti. «Die Blendung». S. 74–75);

Wie eine Sonnenfinsternis fuhr die Verantwortung, die er auf sich nahm, mit Fledermausschatten über ihn hin. Ein schäbiger Gedanke: Weg von hier! Noch heute! Gleichviel wohin! Ter Haigasun begann seine ersten Worte langsam in die Masse einzuschlagen (F. Werfel. «Die vierzig Tage des Musa Dagh». S. 241);

Als sie (die Wirtschafterin) draußen war, machte er (Kien) sich Vorwürfe. Über seine Bücher sprach er jetzt wie der schmutzigste Händler. Wie konnte er eine solche Person denn anders dazu bringen, Bücher anständig zu behandeln? Ihren wirklichen Wert verstand sie nicht. Sie musste glauben, dass er mit der Bibliothek spekuliere. Das waren Menschen! Das waren Menschen! (E. Canetti: Die Blendung. S. 511).

В последнем примере автор изображает внутренний мир действующего лица через призму собственного временного плана. Происходит контаминация речи автора и действующего лица, при этом глагольные действия, выражаемые претеритом, находятся в своеобразной связи с глагольными действиями, выражаемыми предшествующей и вводящей авторской речью, на что указывает темпоральное наречие *jetzt*. Повтор же восклицательных предложений *Das waren Menschen! Das waren Menschen!* подчеркивает эмоциональный аспект и акцентирует сиюминутность происходящего.

НПР вступает в разнообразные логико-грамматические отношения с окружающим контекстом. Она либо вырастает из авторского контекста, являясь ее логическим продолжением или эмоциональным усилителем, либо сопровождает прямую или косвенную речь, либо возникает из внутреннего монолога и перерастает в него, либо стоит обособленно, создавая в художественном тексте особые условия сочетаемости объективного и субъективного. Наиболее тесную соотнесенность НПР с окружающим контекстом обеспечивают лексико-синтаксические средства (лексические и местоименные повторы, сочинительные союзы *und*, *denn*, модальные слова *vielleicht* и т.д.). И те и другие способствуют более плавному совмещению двух линий изложения – автора и действующего лица. Четкие же структурные границы НПР обеспечивают ей вопросительные и восклицательные предложения.

Преобладающий структурно-семантический тип предложений в НПР вариативен в произведениях разных авторов, но вопросительный и восклицательный типы преобладают по частоте их употребления, а также образуют очень часто «семантическое ядро» комплекса НПР. Так, вопросительные предложения способны показать процесс рождения мысли и ее дальнейшее развитие. Восклицательные и односоставные предложения, при минимальном лексическом объеме, способны выразить эмоциональное содержание всего комплекса НПР.

Таким образом, каждое языковое средство в НПР обладает определенным потенциалом, раскрытие которого позволяет проникнуть в особенности организации диалогического пространства между автором и читателем.

С. В. Паремская

СИНТАКСИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ПРЕДЛОГОВ В РЕЛИГИОЗНОМ ТЕКСТЕ (на материале немецкого языка)

Настоящая работа посвящена анализу синтаксиса и семантики предлогов немецкого языка на материале религиозного текста. Материал анализа составили 500 предложных словосочетаний, отобранных методом сплошной выборки из текста Библии.

Простой количественный подсчет показал, что данное количество предложных словосочетаний встретилось в тексте, имеющем общий объем в 6 059 словоформ. Это составляет около 12 процентов от общего количества словоформ проанализированного текста.

В материале анализа выявлено в общей сложности 29 предлогов, 24 из них являются одиночными и 5 двойными. Частотность каждого из предлогов разная. Наиболее частотными являются предлоги, относящиеся к группе так называемых первообразных предлогов, более древних по происхождению и не имеющих мотивированной внутренней формы. Это предлоги *in, zu, von, an, mit, auf, nach, bei, für, vor*. Самые частотные предлоги *in, zu, von*.

Теоретической основой для проведения анализа послужили следующие положения. Предлоги, входящие в группу так называемых функциональных слов, обеспечивают на синтаксическом уровне семантическую спецификацию при присоединении одних лексических единиц к другим. Их задача заключается в том, чтобы устранить возможную многозначность отношений, возникающих между словами. В разных синтаксических конструкциях предлоги проявляют себя по-разному. Существует определенная связь между тем, как ведут себя предлоги в разных членах предложения и их значением. Иными словами, семантическая конкретность (или прозрачность) предлога зависит от типа синтаксической конструкции, в которой он употребляется.